

Е.А. Радзиховская

Географическая и этнографическая карта Понта Эвксинского в схолиях ренессансного эрудита Иоанна Вильгельма Стукиуса

Среди античных письменных источников, дающих представление о первых очагах цивилизации в Северном Причерноморье, важное место занимают периплы, своеобразные путеводители по побережью Черного моря. Первыми комментаторами этих путеводителей были ренессансные эрудиты. Заслуга перевода с греческого на латынь и выполнения комментария к одному из таких произведений, «Периплу» Понта Эвксинского Арриана, принадлежит швейцарскому эрудиту Иоанну Вильгельму Стукиусу (1521—1607)¹. В настоящей статье мы ограничимся кратким обзором этого коммента.

Арриан, являвшийся при императоре Адриане наместником провинции Каппадокия и хорошо знавший южное побережье Черного моря, составил перипл в практических целях. Он должен был ознакомить Адриана со всем Черноморским регионом и предоставить ему хороший путеводитель, «соединяющий в себе как данные чисто географические, так и сведения военно-административного характера наряду с некоторыми наиболее интересными указаниями антикварного и исторического характера»². К этому уникальному памятнику римской географической литературы Стукиус решил обратиться по совету своего учителя И. Зимлера (1530-1576), математика, астронома и протестантского богослова, жившего и работавшего в его родном городе Цюрихе.

Письмо Арриана и свои к нему комментарии Стукиус подразделил на две части: вводную и основную³. Во вводной части изложение разветвляется в соответствии с определенной логикой, принципы которой вполне ясно обозначены. Прежде всего сообщается о двух личностях - Арриане, написавшем письмо, и императоре Адриане, которому оно адресовано. Уделив персоналиям должное внимание, Стукиус переходит к общим теоретическим рассуждениям по вопросу об объекте («haec de personis, nunc de subiecto») и методах описания, собираясь рассмотреть «Понта Эвксинского названия, происхождение, развитие, границы, форму и очертания, качество, количество, условия неба... понтийских народов природу, дарования, нравы, их, а в особенности Понтийского царства Митридата, политический статус..., а также церковный, или же религиозный»⁴. К «постановке задач» своей работы эрудит присовокупляет высокую оценку важности и многообразия сведений, содержащихся в «Перипле»: «Это греческое письмо Арриана к Адриану коротко, ...но в плане историческом и философском ...обильно множеством ...полезнейших вещей и поэтому весьма достойно познания, по каковой причине я... решил не только его перевести на латинский, но и снабдить... пояснениями»⁵. Произведение представляет собой, таким образом, своеобразную хорографию, т.е. подробное описание региона с его достопримечательностями.

¹ Arrianus, Flavius (105-) Arriani historici et philosophi Ponti Euxini & maris Erythraei Periplus, ad Adrianum Caesarem ... Praeterea ipsius Ponti Chorographica tabula. / {Ed.} Io. Guilielmo Stuckio Tigunno Authore. — Genevae {Geneve}: Apud Eustathium Vignon, 1577.

² Ростовцев М.И. Скифия и Боспорь. — II, 1925. — С. 64.

³ Stuckius G. Apud Arrianus, Flavius, op. cit. - P. 66-67.

⁴ Ibidem. - P. 31.

⁵ Ibidem. - P. 1.

Структурно в работе Стукиуса можно выделить следующие элементы:

- 1) Письмо-посвящение некому Гебхарту Шелленбергу
- 2) Список авторов, к чьей компетенции прибегал цюрихский эрудит при написании работы (Cathalogus authorum)
- 3) Карта Понта Эвксинского
- 4) Письмо Арриана к Адриану (в греческой и латинской версиях)
- 5) Похвальное слово в стихах по-гречески и по-латыни самому Стукиусу
- 6) Комментарии, или схолии
- 7) Указатель достопамятных вещей к периплу (Rerum memorabilium in toto periplo Pontis Euxini comprehensarum, index ...)
- 8) Указатель географических названий (Index ... peripli Pontis Euxini Geographica continens)

Наиболее пространной частью текста являются схолии, где Стукиус попытался дать подробные объяснения причерноморских историко-географических реалий, опираясь на свои знания античных, библейских и средневековых (в том числе византийских) источников, а также известных ему новейших работ: «Подобно тому, как некогда у аргонатов были превосходные и славные руководители, так и я под руководством Геродота, Полибия, Страбона, Мелы, Плиния, Солина, Аммиана и других, как древних, так и современных историков, это море и соседние области внимательно изучил...»⁶.

Рассуждая об этимологии слова «Pontus» и о названиях моря, Стукиус обращается не только к географическим, историческим, богословским трудам, но и к художественной литературе, в частности, к Овидию и Вергилию. Впрочем, он не ограничивается только книжной наукой. Известно, что в 1567 г. Вильгельм Стукиус ездил в Италию, чтобы послушать в Венецианском университете (в г. Падуа) знаменитого правоведа Гвидо Панцироли⁷. Пребывая в Падуе (1567-1568 гг.), он мог беседовать с моряками и видеть венецианские портоланы. Действительно, в схолиях он нередко ссылается на опыт практиков - моряков, бороздивших в его время воды Черного моря: «В самом деле, как учит сам опыт, Понт имеет обыкновение часто окутываться таким густым туманом, что скрыты не только очертания берегов, но кормчий, находящийся на корме, не может видеть нос корабля. Конечно, по этой причине оно заслуженно Аррианом, а сегодня моряками, по-простому называется Черным морем»⁸.

Завершая рассуждения о наименовании Понта, Стукиус констатирует наличие множества контроверз и переходит к рассмотрению вопроса о периметре, ширине, длине, глубине Понта. Здесь следуют обильные ссылки на античных авторов, упоминания по ходу дела и о Каспийском море, а также его названиях, среди которых, впрочем, фигурируют славянское (Chualinscomogiam; Хвальнское море). Достаточно много места уделяет швейцарский эрудит животному и растительному миру Понта. О его рыбных богатствах он говорит с неподдельным восторгом, указывая отдельные регионы, частности, устье Днепра, где водятся паламида, скумбрия, бычки, золотая макрель, предположительно, стерлядь, и устье Дуная, где ловятся замечательные сомы. Не меньший энтузиазм вызывают у него птицы и звери, особенно же среди прочих дрофы, утки, бобры и даже кавказские овчарки (Apud Albanos Colchis finitimos nati canes...), известные с античных времен⁹. Последующие пассажи посвящены растениям и полез-

⁶ Ibidem.-P. 5.

⁷ Allgemeine Deutsche Biographie, XIV. - S. 410.

⁸ Stuckius G. Apud Arrianus, Flavius, op. cit. - P. 11.

⁹ Ibidem. - p. 17-19; 22.

ным ископаемым. Составляя этот раздел, Стукиус прибегал к компетенции и помощи двух своих друзей - цюрихского медика, автора труда о растениях, Гаспара Вольфа (ок. 1525—1601) и итальянского медика-протестанта Таддео Дуни (1523-1613)¹⁰.

Выше было упомянуто, что при «постановке задач» швейцарский эрудит оговаривал необходимость остановиться на «условиях неба» (*colī conditio*), т.е. климате. Выражаясь современным языком, его интересовала взаимосвязь между природными и климатическими условиями и общественным развитием. Приступая к описанию населения понтийских берегов, он выстраивает целую концепцию, связывая с *colī conditio* особенности быта, нравов и общественных установлений местных народов. Сославшись на Цицерона, давно отметившего это интересное явление, Стукиус предлагает и собственное рассуждение: «И в том не может быть никаких сомнений, что нравы людей уподобляются и соответствуют преимущественно небу и местности, в которой они проживают ... Не от рода происходят нравы мужчин и женщин, а от тех вещей, которыми мы питаемся и живем и которые доставляются самой природой местности и привычкой жизни.»¹¹ Понятие *colī conditio* в разных вариациях использовалось средневековыми авторами, принимавшимися за описание какой-либо земли, и обрело, по-видимому, уже в новое время логическое завершение в «Духе законов» Монтескье. Метод этот у Стукиуса, однако, не мог еще быть чем-либо отличным от схоластической декларации. Никаких усилий уразуметь действительную связь этнической и политической истории причерноморских народов с природными условиями Стукиус не предпринимает. Скорее читатель присутствует при попытке во что бы то ни стало собрать воедино и изложить все, что можно было извлечь из античных текстов, Священного писания, и работ современных ему европейских авторов преимущественно из протестантских гуманистических кругов. Описание населения Понта построено достаточно хаотично, в нем причудливо переплетаются достоверные сведения с предрассудками античного времени, библейской традиции и европейского средневековья.

Главным образцом для него здесь был его «наставник с детских лет» («*studiorum meorum ab ineunte aetate fautor adiutorque fidelissimus*») Людвиг Лафатер (1527-1586), протестантский богослов, автор исторического каталога комментаторов от времен Августа до 1586 г.¹² Вспомнив о том, что «грубое варварское незнание честных вещей» и «крайняя свирепость нравов» вифинцев, пафлагонцев, каппадокийцев, колхов, ахейцев, лигийцев, гениохов, лазов, наконец, скифов, тавров и фракийцев хорошо известны, Стукиус проводит «этнологическое изыскание», опирающееся на Библию и груды Филиппа Меланхтона, и заявляет, что скифы произошли от Магога, второго сына библейского Яфета. Впрочем, это положение, видимо, было общим местом в позднесредневековых работах такого рода. Такими пассажирами изобилует, в частности, «Хроника Европейской Сарматии» его современника Александра Гваньини¹³.

Далее он упоминает о греческой колонизации Причерноморья и сообщает, что Понт называют Новой Грецией. Впрочем, отзывается он о ней весьма не лестно: «*Plerasque enim Pontis urbes Graecorum fuisse colonias..., ita ut Pontum (seu nouam Graeciam) veteris illius veraeque sobolem...potius atque excrementa appella-*

¹⁰ Ibidem.-P. 30.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem. - P. 31.

¹³ Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії // Упор, та перекл. з польськ. о. Ю. Мицика. - К.: Видав.Дім Києво-Могилянська Акад., 2007. - С. 665, passim.

te possis»¹⁴. После чего, кратко коснувшись истории персов и мидийцев, переходит к римскому периоду и Митридатовам войнам с Римом. В этом экскурсе он опирается, помимо античных историков, на труды ренессансных ученых Андреа Альциата, Карло Сигонии и Генриха Глареана, которых считает лучшими специалистами в данной области¹⁵. Доходит очередь и до готов и «московитов», из которых первые, по его мнению, произошли от Гога («*Gog iste Gothus est...*»), а _ последние от некоего библейского персонажа Месеха («*Mesech sunt Moschouij*»)¹⁶. Наконец, турки, которые владели во времена Стукиуса всем Причерноморьем, объявляются потомками скифов. История турок, восходит, таким образом, к Священному Писанию и излагается с учетом этого источника, а также работы византийского историка Халкокондила.

Последняя часть пространного введения к схолиям к «Периплу Арриана» посвящается религиозной жизни населения Понта, в его время уже «впавшего в магометанство». Здесь Стукиус не упускает возможности отметить «идолопоклонство» понтийских народов и заявить о множестве суеверий, ошибок и ересей, в которых погрязли немногочисленные сохранившиеся здесь христиане разных толков, к тому же непрестанно между собой враждующие¹⁷. Столь плачевное состояние здесь населения он объясняет наказанием его за грехи и вспоминает пророчество Лактанция, которое, как ему представляется, предугадывало установление в понтийских краях турецкого владычества и исчезновение даже имени римлян: «*...quod Romanian nomen, quo nunc regitur orbis...tolletur de terra...Hoc vaticinium de Turcarum imperio...*»¹⁸ Читателя, желающего подробнее ознакомиться с состоянием христианства в регионе, швейцарский эрудит отсылает к книге Франсуа Отмана «*De statu primitivae Ecclesiae ejusque sacerdotis*» (1553), чьи лекции слушал в Страсбурге.

Завершив первую часть своей работы, Стукиус переходит ко второй, основной части схолий, где собирается предложить, помимо перевода собственно перипла Арриана «специальное описание отдельных регионов, окружающих Понт, народов, городов, поселений, храмов, рек, портов, мысов, и других мест», что будет дополняться «сведениями из неких достойных авторов»¹⁹. При работе над текстом Арриана эрудит, видимо, пытался не только «перепроверить» все, что только было возможно, но и дополнить сведения античного автора достижениями современных ему наук. При этом он пользовался богатейшей библиотекой уже упоминавшегося Иосии Зимлера.

Непосредственно привязанный к периплу раздел схолий по Стукиусу удобно подразделяется на четыре элемента.

1. Первая часть - описание маршрута от Трапезунда до Севастополя, некогда Диоскуриады. Стукиус добросовестно воспроизводит сведения Арриана о географии и населении этого отрезка перипла и с интересом комментирует замечание античного автора о том, что в районе Диоскуриады можно видеть вершину Кавказа, к которой был прикован Прометей.

2. Вторая (которая, однако, как логично полагает Стукиус, по естественному порядку должна быть первой) - отрезок пути, который пролегает от Боспора Фракийского, то есть, от города Византий, до Трапезунда.

¹⁴ Ibidem. - P. 34.

¹⁵ Ibidem. - P. 41, 44.

¹⁶ Ibidem.-P. 31; 46-49

¹⁷ Ibidem. - P. 49; 50-67

¹⁸ Ibidem. - P. 52.

¹⁹ Ibidem. - P. 66-67.

3. Третья - от Диоскуриады до Боспора Киммерийского; конечный пункт здесь Пантикапей. После упоминания о Пантикапее Арриан сообщает о р. Танаис и Меотийском озере (Азовском море); в очередной раз обращается он к мифологии и литературе, в частности, к Эсхилу «Прометею освобожденному»; это ему нужно, чтобы возразить Эсхилу и подчеркнуть, что не Фасис (р. Риони), а Танаис отделяет Европу от Азии. Обозначив в стадиях окружность Меотиды (9000), Арриан снова возвращается к Пантикапею, чтобы начать еще один отрезок пути.

4. Четвертый отрезок по систематизации Стукиуса - от Боспора Киммерийского до Боспора Фракийского (находящегося на берегу, противоположном Византию).

Первые три отрезка швейцарский эрудит воспринимает как правую часть Понта; последний - как левую. Способ ориентации такого рода предполагает, что описывающий имеет представление о расположении сторон света на планшете в целом сходное с современным. В перипле Арриана, как известно²⁰, весьма сжато суммированы географическая и этнографическая картина Черноморского побережья, установленная ионийской наукой в лице Аристеев, Гекатея, Гелланика, Геродота, дополненная и расширенная впоследствии эллинистическими географами, а позднее - административно-военными работами римских имперских офицеров и чиновников, действовавших в Понте и Каппадокии. Последним, кто обобщил римские сведения о регионе, был Птолемей. В его карте и объяснениях к ней использованы данные, которые были добыты офицерами римской оккупационной армии Крыма и северного побережья Черного моря, а также чиновниками Понта, непосредственно контактировавшими с Боспорским царством. Все эти древние пласты географического освоения Причерноморья находим в комментариях Стукиуса.

Что же добавляют схолии Стукиуса к этим сведениям? Пожалуй, можно говорить о нескольких новых блоках информации, последовательная обработка которых могла бы составить отдельное большое исследование, выходящее за рамки данной статьи. Эти блоки информации условно можно подразделить на нарративные и картографические источники.

Среди весьма разнохарактерных текстов, включающих труды византийских и европейских средневековых писателей, почти не использующихся сегодня для изучения историко-географических реалий Причерноморья, обозначим работы ренессансных эрудитов Энея Сильвия Пикколомини, Иоганна Куспиниана, Конрада Геснера, Георга Танстеттера, книгу Альберта Кампенского с описанием Руси, а также путешествия Паоло Джовио и Сигизмунда Герберштейна.

К картографическим источникам следует отнести прямо или косвенно использованные Стукиусом портоланы, а также географические карты современных ему «кабинетных» ученых. Здесь прежде всего следует отметить одну особенность труда швейцарского эрудита. К работе его прилагается оригинальная карта Черного моря с указанием рек, портов, крепостей и населенных пунктов, которые добросовестно обозначены кружочками, но не всегда снабжены названиями (Рис. 1). Вместо этого на карте фигурирует нумерация, не имеющая, однако, никаких пояснений в тексте. Поэтому создается впечатление, что работа с картой не была завершена. Можно предположить, что это объясняется трудностями примирения географических сведений разных источников. Из каких же современных карт мог черпать цюрихский ученый информацию для своего труда? Простое сравнение карты Стукиуса с картами знаменитых фламандцев Г. Меркатора и А. Ортелия (об

²⁰Ростовцев М.И. Указ. соч. - С. 10-11.

Ортелия, однако, в отличие от Меркатора, Стукиус ни разу даже не упоминает) делает очевидным, что он едва ли прибегал к их компетенции. Версия Стукиуса имеет существенные отличия. Впрочем, хотя в его время А. Ортелия и Г. Меркатора и были наиболее почитаемыми в Европе картографами, они вовсе и не являлись «монополистами на рынке коммерческих карт»²¹.

Рис. 1

Остановимся кратко на некоторых реалиях третьего и четвертого отрезков Аррианова перипла в интерпретации Стукиуса. На фрагменте карты, соответствующем нынешнему Крымскому полуострову, нетрудно найти точку без названия с отметкой 63 (Рис. 2). Она соответствует, по всей вероятности, Пантикапею; при этом напротив Пантикапея на противоположной стороне Керченского пролива обозначен кружочек с точкой без названия. Попытку идентифицировать этот пункт предпринял в перв. полов. XIX в. одесский переводчик перипла с греческого на русский, А. Фабр. Хотя Фабру и был хорошо знаком труд швейцарца, который не приводил никакого наименования (ни в латинском переводе Арриана, ни в своих схолиях), он обозначил его на собственной карте-реконструкции как «Ахиллеон». Сверх того, А. Фабр нашел нужным также добавить, что возле Пантикапея по Страбону (кн. УП, 308, 310) лежат два города - Мирмекион и Нимфеон, и разместить их на своей карте. Как можно видеть на рисунке 2, на карте Стукиуса Мирмекиона и Нимфеона нет²². В данном случае А. Фабр «дополнил» перипл на манер ренессансного эрудита, ибо в его собственном переводе Арриана таких топонимов нет.

После Пантикапея в перипле упоминается лежащее при море селение Казека (по Арриану отстоящее от Пантикапея на 420 стадий). Стукиус, видимо, обозначил его точкой без названия с отметкой 64. В работе А. Фабра о селении не сообщается ничего. Можно предложить по этому поводу следующую гипотезу. В настоящее время на Керченском полуострове близ мыса Чауда находится соле-

²¹ Браун Л.А. История географических карт. - М.: Центрполиграф, 2006. - С. 261.

²² Арриан Перипл Понта Евксинского // Перев. А.Фабр. - Одесса, 1838. - Прим. 53, с. 31.

ное озеро «Качик», отделенное от Черного моря узкой пересыпью. Во времена Арриана это озеро могло иметь прямое сообщение с морем, представляя собой удобную бухту, где и располагалась старинная Казака. Новочерноморская транс-грессия обусловила судоходность водных артерий, обмелевших в настоящее время, что объясняет различия в видении географических реалий времен Арриана и нашего времени (к нашему времени относится и видение А. Фабра). При работе над текстом и картой Стукиуса таких гипотез возникает немало. Проверка их требует кропотливого анализа хотя бы самой репрезентативной части источников, введенных Стукиусом в оборот.

Таким образом, поставив перед собой задачу перевести текст Арриана на латинский, Стукиус в действительности выполнил гораздо более значительную работу. Его богатый комментарий содержит несколько хронологических напластований. Греческая и римская географическая и историческая традиция, для которой было характерно сочетание непосредственного знания местности и литературного творчества, составляют самый древний и весьма хорошо освоенный швейцарским эрудитом пласт. Следующими пластами являются средневековые и ренессансные произведения, которые, по его замыслу, должны были заполнить лакуны древнейших авторов, не нарушая, однако, сложившейся с античности традиции. В целом же его труд - прежде всего продукт позднесредневековой ренессансной образованности, компендиум из ряда дословных выписок из самых разнокалиберных, частью сохранившихся и до нашего времени источников. Текст этот, несомненно, является оригинальным и интересным образцом географической и этнографической литературы.